

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

По Северному морю
и Балтике

Глава 1

ПОД КРЫЛОМ БОГОМОЛЬЦЕВ И СТАРИННЫХ ПОДРУГ

Мама Джека Бернса всегда говорила, что ее сын начал актерскую карьеру с пеленок. Джеку же из детства запомнились ярче других те моменты, когда ему остро хотелось взять маму за руку. Никакого притворства — ему правда очень хотелось.

Конечно, человек начинает запоминать события по-настоящему только лет с четырех-пяти — да и то с тех времен остаются лишь обрывки воспоминаний, а часто и попросту вещи, которых на самом деле не было. Джек хорошо помнил, как ему впервые захотелось взять маму за руку, — но можно ручаться, что на самом деле это было не в первый, а в сто первый или даже двести первый раз.

Когда Джека определили в детский сад и он проходил тестирование, выяснилось, что его словарь значительно богаче, чем у сверстников. Ничего удивительного: он был единственным ребенком у матери-одиночки и его основными собеседниками были взрослые. Педагоги отметили в первую очередь другое — необыкновенные способности к запоминанию последовательности событий: в три года он демонстрировал уровень девятилетних. А в четыре выяснилось, что по вниманию к мелким деталям — например, кто во что одет, как называются улицы, где он гуляет, и многое другое — и пониманию линейности времени Джек сравнился с одиннадцатилетними.

Для Алисы, мамы Джека, все эти результаты оказались полной неожиданностью — она-то считала его рассеянным, даже недоразвитым, не живет, а спит на ходу да все мечтает.

Осенью 1969 года, когда Джеку исполнилось четыре и в детсад ему еще было рано, мама пошла с ним гулять по Форест-Хиллу, довольно уютному району Торонто. Дойдя до угла улиц Пиктол и Хатчингс-Хилл-роуд, она показала ему школу. Оттуда, сказала Алиса, сейчас будут выходить девочки.

Учебное заведение — «церковная школа для девочек» — называлось школа Святой Хильды, обучались там дети с детсадовского возраста и вплоть до тринадцатого класса (его еще не отменили в Канаде в те времена). Алиса решила, что именно здесь Джек начнет учиться, несмотря на то что он мальчик. Она дождалась, пока школьные двери откроются и оттуда вывалит толпа девочек — одни опрятные, другие не очень, одни со светящимися глазами, другие мрачные и обиженные на весь свет, одни хорошенькие, другие так себе, — и тогда объявила Джеку новость:

— На следующий год здесь будут учить и мальчиков — но только до пятого класса.

Джек стоял как вкопанный. Это же надо! Мимо него слева и справа шли девочки, иные даже большие и голосистые. Все до единой в школьной форме — потом Джеку не раз думалось, что ему ходить в ней всю жизнь до гроба, — серые свитеры, малиновые жакеты, белые блузки матросского покроя.

— Набор очень маленький. Но тебя возьмут, — сказала мама Джеку. — Я об этом позабочусь.

— Как? — спросил Джек.

— Я еще не придумала, — ответила Алиса.

Девочки носили серые плиссированные юбки и серые гольфы, «доколенки», как их называли в Канаде. Джек впервые видел столько девчачьих голых ног. Он еще не понимал, какой внутренний моторчик заставлял девочек скатывать гольфы если не до щиколоток, то, во всяком случае, ниже икры, — и это делали все, несмотря на школьное правило, согласно которому «доколенки» надо подтягивать до колен.

Кроме того, Джек Бернс заметил, что девочки его не видят, смотрят сквозь него, словно его тут и нет. Но одна не прошла мимо — постарше других, уже есть бедра и даже грудь, и полные губы, точь-в-точь как у Алисы. Она посмотрела Джеку прямо в глаза, словно не в силах отвести взгляд.

Джеку было всего четыре, и он не мог разобрать — то ли это он не может отвести от нее взгляд, то ли она попала в капкан и не может смотреть в другую сторону. Как бы то ни было, по ее лицу немедленно стало ясно, что она что-то такое поняла, что-то такое узнала и углядела, — и Джек испугался. Может быть, ей привиделось, как он будет выглядеть, когда станет постарше или когда совсем вырастет и будет взрослым мужчиной, и от этого видения она исполнилась страстью и отчаянным желанием увидеть это по-

быстрее наяву. А может, думал Джек, ее переполнили ужас и отвращение — ведь в конце концов она отвернулась.

Джек с мамой не двигались с места, омываемые потоками девочек, пока потоки эти не иссякли: от шума и топота не осталось ни звука, а смех, то радостный, то угрожающий, стих вдали. Теплый воздух ранней осени сохранил их запах; Джек вдохнул и подумал, что это духи. Однако в школе Святой Хильды почти никто не душился; этот новый запах был их собственным, настоящим запахом этих девочек. Джек так и не смог к нему привыкнуть, не научился воспринимать его равнодушно. Даже перейдя в пятый класс, он его не забыл.

— А почему я буду ходить именно в эту школу? — спросил маму Джек, когда девочки ушли.

На улице не было никого, только шелестели опавшие листья.

— Потому что это хорошая школа, — ответила Алиса и добавила: — Кроме того, в обществе девочек тебе ничто не грозит.

Джек был совсем другого мнения и тут же схватил маму за руку.

Той осенью мама заготовила для Джека массу сюрпризов. Помимо обещания отдать его на будущий год в школу Святой Хильды и той прогулки по Форест-Хиллу, когда она показала ему девочек в школьной форме (которые вскоре сыграют в его жизни такую важную роль), Алиса объявила, что проедет с ним по Северной Европе в поисках его беглого папаши. Она знала, в каких городах тот может от них прятаться (она так и говорила — «мы с тобой проработаем эти города»), и вот они с Джеком отыщут его и напомнят о долге перед сыном и женой. Джек частенько слышал, как мама говорит: «Он в ответе за нас обоих, мы еще вернем его». Но к четырем годам Джек пришел к выводу, что папа оставил их навсегда; лично его, Джека, так и вовсе еще до рождения.

Джек сразу понял, что мама имеет в виду под «проработаем». Он уже знал, кем работает его мама. Ее отец был татуировщиком, и Алиса унаследовала от него эту профессию; больше она ничего делать не умела.

Алиса сказала, что в Европе ей дадут работу коллеги; они как раз живут в нужных городах. Всем известно, что Алиса училась искусству татуировки у отца, а он был знаменитый эдинбургский татуировщик (он работал в портовом пригороде столицы Шотландии, Лите). Там-то, в Эдинбурге, Алисе и выпало несчастье познакомиться с отцом Джека. Там он сделал ей Джека и там же бросил ее.

По словам Алисы, отец Джека уплыл прочь в Новую Шотландию, в город Галифакс. Он обещал ей забрать ее туда, как только найдет хорошую работу. Но новостей от него Алиса не дождалась — зато новостей о нем до нее дошло предостаточно. Прежде чем покинуть Галифакс, Джеков папаша оставил там заметный след.

При рождении отца Джека называли Каллум, но потом, еще студентом, он сменил имя на Уильям и стал Уильям Бернс. Его отца звали Аласдейр, и Уильям считал, что одного кельтского имени на семью вполне достаточно. В Эдинбурге Уильям — пока не сбежал позорно в Канаду — числился членом Королевского колледжа органистов, то есть был не просто бакалавром музыки, но еще и имел диплом органиста. Так Уильям и познакомился с Алисой — в Южной приходской церкви Лита: он играл там на органе, а она пела в хоре.

Казалось бы, мальчик с хорошим образованием — до университета Уильям учился в Хэриоте¹, — рассчитывавший пробиться в высшие слои общества, должен был скривиться, получив в качестве первой работы место органиста в каком-то Лите, да еще в трущобном районе. Но Джеков папаша любил в шутку говорить, что это ничего — ведь Церковь Шотландии платит лучше, чем Шотландская епископальная². Сам Уильям принадлежал к Епископальной церкви, но не имел ничего против Южной приходской церкви, на кладбище которой, по преданию, дремлют одиннадцать тысяч душ, хотя надгробных камней там не более трехсот.

Бедным запрещалось ставить каменные памятники. Но мама рассказывала Джеку, что по ночам люди приносили на кладбище прах своих усопших и разбрасывали его по могилам сквозь кладбищенскую решетку. Джеку потом снились по ночам кошмары — еще бы, столько душ носится по воздуху во тьме! — но церковь была очень популярна у местных, возможно, как раз из-за этой легенды; а Алиса считала, что она сама там умерла и вознеслась на небо — когда пела в хоре, пела для Уильяма.

---

¹ *Хэриот* — школа в Эдинбурге, названная в честь Джорджа Хэриота (1563–1624), золотых дел мастера, завещавшего 25 тысяч шотландских фунтов на основание образовательного заведения «для бедных детей, оставшихся без отцов». До сих пор, будучи частной и получая от большинства учеников плату за обучение, бесплатно учит сирот.

² Церковь Шотландии относится к пресвитерианской ветви кальвинизма и имеет статус национальной церкви Шотландии. Шотландская епископальная церковь — одна из автокефальных англиканских церквей.

В Южной приходской церкви Лита орган и хор располагались за спиной у прихожан. Для хористов было всего лишь двадцать мест, в два ряда — мужчины сидели во втором, женщины в первом. Когда служили, Уильям просил Алису выдвигаться немного вперед и чуть наклоняться, чтобы он видел ее целиком. Она носила голубое платье — «как оперенье у голубой сойки», говорила мама Джеку — с белым воротником. Она влюбилась в Джекова папашу в апреле 1964 года, когда тот впервые сел за мануал.

— Мы пели гимны в честь Воскресения, — рассказывала Алиса, — а на кладбище цвели крокусы и нарциссы.

Судя по всему, незахороненный пепел благотворно сказывался на кладбищенской флоре.

Алиса познакомила юного органиста, который заодно выполнял обязанности хормейстера, со своим отцом. У того был тату-салон под названием «Не сдавайся» — по девизу Лита — то ли на Мандерстон-стрит, то ли на Джейн-стрит: в те времена через Лит-уок¹ был перекинут железнодорожный мост, один его конец стоял на Джейн-стрит, а другой на Мандерстон-стрит, и хотя мама говорила, на какой стороне моста был салон, Джек забыл. В тот раз Уильям впервые попал в такое заведение.

Джек помнил из маминых рассказов, что они там и жили с отцом, прямо в салоне; аккомпанементом всей их жизни служил стук колес проезжающих поездов. Мама называла это «спать на иголках» — когда времена были трудные, а между войнами так и было, жить было негде, и приходилось ночевать в тату-салоне. А еще «уснуть на иголках» означало, что хозяин салона умер — и умер прямо там; так случилось и с Алисиным отцом. Он «спал на иголках» во всех смыслах слова.

Мать Алисы умерла при родах, и отец — Джек никогда его не видел — вырастил ее в мире татуировок. Джек считал, что другой такой, как его мама, больше на свете нет — потому что у нее самой не было ни единой татуировки. Отец сказал ей, чтобы она не татуировала себя, пока не повзрослеет как следует и кое-что про себя не поймет; скорее всего, он имел в виду — не осознает, что в ней есть прочного, такого, что не меняется со временем.

— Так что раньше шестидесяти-семидесяти мне татуировка не светит, — говорила мама Джеку, когда ей не было еще и тридцати. — И пока я жива, ты тоже татуировок себе не делай.

---

¹ *Лит-уок* — улица в Эдинбурге, главная дорога из центра города в Лит.

Этим она хотела сказать, что запрещает Джеку татуироваться на веки вечные.

Алисин папа сразу же невзлюбил Уильяма Бернса — тот сделал себе первую татуировку в их первую встречу. Это были ноты пасхального гимна, который Уильям репетировал с Алисой, «Христос воскрес»; они опоясывали правую ляжку органиста — так что Уильям мог читать их, сидя на унитазах. На коже были только ноты, и тот, кто хотел узнать музыку, должен был их прочесть — для чего ему пришлось бы, вероятно, сесть на соседний унитаз.

Нанеся юному органисту его первую татуировку, отец Алисы сразу сказал ей, что Уильям, он это точно знает, «подсядет на чернила», станет «коллекционером» — так называли людей, которые, сделав первую татуировку или даже первую пару дюжин татуировок, не могут остановиться. Уильям, сказал Алисе отец, будет покрывать себя татуировками, пока все его тело не превратится в нотный стан, пока не останется ни кусочка кожи, где не стояла бы нота. Жуткое предсказание — но Алиса пропустила его мимо ушей: ее сердце уже принадлежало будущему тату-маньяку.

К четырем годам Джек Бернс знал эту историю наизусть. Но его ждал еще один сюрприз — мама, объявив о поездке в Европу, добавила:

— Если по прошествии года, когда тебе будет пора в школу, мы не найдем твоего папашу, то забудем про него навсегда и проживем своей жизнью.

Это был жуткий удар. С тех пор как Джек понял, что отца рядом нет — хуже того, что он его бросил, — они с мамой приложили довольно много усилий, чтобы папу найти, и Джек думал, что они будут искать его всю жизнь. Мысль, что папу можно «забыть навсегда», не умещалась у него в голове — там едва хватило места для мысли о поездке в далекую неведомую Европу; не понимал Джек и того, как важно было для мамы отдать его в школу.

Дело в том, что сама-то она школу не окончила. На фоне Уильяма с его университетским образованием Алиса всегда чувствовала себя неполноценной. Родители Уильяма преподавали в начальной школе и давали частные уроки игры на фортепьяно соседским детям, но считали, что профессиональное музыкальное образование ничем заменить нельзя. С их точки зрения, играть на органе в какой-то Южной приходской церкви унижительно для их сына, и вовсе не только по причине классовых различий между Эдин-

бургом и Литом, особенно очевидных в те времена. Различия между Шотландской епископальной церковью и Церковью Шотландии тоже играли немалую роль.

Отец Алисы в церковь не ходил. Он послал ее в церковный хор, чтобы она посмотрела, какова жизнь за пределами тату-салона; он и думать не мог, что в церкви, и уж тем более в церковном хоре, дочка встретит свою судьбу — и не только потеряет честь, но еще и приведет своего бесстыжего соблазнителя к нему в салон делать татуировку!

Родители Уильяма настояли, чтобы тот, будучи главным органистом Южной приходской церкви, согласился стать еще и помощником органиста в Старом соборе Святого Павла. Главным тут было то, что Старый собор относился к Шотландской епископальной церкви и находился не в Лите, а в Эдинбурге.

Уильяма же в соборе привлекал орган. Мальчик сел за пианино в шесть лет и до девяти настоящего органного мануала даже не касался, но уже в семь он приклеил над клавишами пианино кусочки бумаги, чтобы было похоже на органные регистры. Он стал мечтать о том, как будет играть на органе — и не просто на органе, а на Старике Уиллисе¹, большом органе в Старом соборе Святого Павла.

Родителей Уильяма волновал вопрос престижа — с их точки зрения, куда лучше быть помощником органиста в Старом соборе, чем главным органистом в Лите. Уильяму же до этого не было никакого дела — его привлекал Старик Уиллис. Это был знаменитый орган и еще более знаменитый собор; его акустика, как объясняла Джеку мама, обеспечила львиную долю их общей славы. Джек потом не раз думал, не хотела ли мама сказать, что в соборе фантастически звучал бы любой орган — а все потому, что время реверберации, то есть время, за которое громкость звука падает на шестьдесят децибелов, играет более важную роль, чем качество самого инструмента.

Алиса рассказывала сыну, как однажды слушала «органый марафон» в Старом соборе. Это был круглосуточный концерт, судя по всему благотворительный; каждый час или полчаса за мануал садился новый органист. Порядок исполнителей, разумеется, опре-

---

¹ *Старик Уиллис* — прозвище Генри Уиллиса (1821–1901), британского органиста и основателя компании по строительству органов. Его органы стоят во многих церквях и мэриях Великобритании и других стран.

делялся корпоративной иерархией — лучшие исполнители играли в лучшее время, когда слушателей было больше всего, а другие — когда в соборе и вовсе могло никого не быть. Юному Уильяму Бернсу мануал достался за полчаса до полуночи.

Собор был заполнен едва наполовину. Самым внимательным слушателем была мама Уильяма, где-то в зале сидел и следующий по очереди исполнитель, которому предстояло заступать на вахту в полночь.

Уильям, конечно, не собирался упустить шанс сыграть на уникальной реверберации в соборе — и поэтому выбрал пьесу погромче. Если Джек правильно понял, к чему клонит Алиса, то Уильям непременно хотел, чтобы его слышали, и чем больше народу, тем лучше; поэтому он выбрал Боэльманову токкату¹. По словам Алисы, лучшее определение для этой музыки — «воодушевленный вселенский грохот».

Рядом со Старым собором идет узкая улочка, с нее в собор есть вход. В ту ночь у стены собора на этой улочке лежал, пытаясь как-то укрыться от дождя, местный пьянчуга, каких в Эдинбурге множество. То ли его ноги уже не держали, то ли специально туда улегся поспать — его частенько там видали. Но нет на свете пьяного, который уснет под Боэльманову токкату — даже за пределами собора.

Алиса обожала изображать реакцию пьянчуги.

— А ну прекратите это блядское черт знает что! Я тут, блядь, прилег на ночь, поспать, блядь, что твой ангел, понимаешь, а тут какая-то сука уселась за свой блядский орган! Этот блядский грохот перебудит, блядь, всех покойников!

Будь Алисина воля, пьянчугу на месте разразило бы громом за такие слова, произнесенные рядом с церковью, но прежде, чем Господь успел нанести свой удар, по клавишам снова ударил Уильям — да пуще прежнего. Он играл так громко, что народу пришлось спасаться бегством; в Старом соборе не осталось ни одного человека. Гости дослушивали музыку снаружи под дождем, рядом с Алисой стоял полуночный сменщик Уильяма. Пьяного матерщинника и след простыл, рассказывала Алиса сыну:

— Видать, пошел искать место, куда не доносятся чарующие звуки Боэльмановой токкаты!

---

¹ *Леон Боэльман* (1862–1897) — французский композитор и органист. Имеется в виду токката до минор из его «Готической сюиты» (1895).

Успех был в буквальном смысле оглушительный, но Уильям Бернс остался органом недоволен. Построили его в 1888 году, и он был бы неплох, если бы дошел до наших дней в изначальном виде. Но, как сказал Уильям, с ним «плохо обращались»: к тому времени, когда ему выдался шанс сесть за мануал, орган пережил реставрацию и электрификацию антивикторианских шестидесятых.

Но какое было Алисе дело до органа! Она была в отчаянии — Уильям ушел с поста органиста в Лите, и последовать за ним в Старый собор она не могла: в те времена там был исключительно мужской хор. А сидя вместе с прихожанами, Алиса видела лишь спину Уильяма.

Как же она завидовала хористам! Мало того что перед службой они торжественной процессией проходили перед паствой — они еще и сидели перед ней, лицом ко всем, а не сзади, никем не видимые, как в Лите. Дальше — хуже: Алиса узнала, что, кроме нее, в Джекова папашу влюбились и другие хористки, но из них всех забеременела лишь она одна.

Помощник органиста в Старом соборе подчинялся и главному органисту, и настоятелю; разумеется, тот факт, что от столь важного сотрудника забеременела какая-то девчонка, дочь какого-то татуировщика из Лита, означенные лица не могли оставить без внимания, равно как и Шотландская епископальная церковь в целом вместе с амбициозными родителями Уильяма. Кому пришла в голову мысль «дать ему улизнуть в Новую Шотландию» — как это называла Алиса, — Джек так никогда и не узнал, но, скорее всего, к этому руку приложили и Церковь, и родители.

Из Старого собора Святого Павла в Эдинбурге в Шотландии Уильям переместился в просто собор Святого Павла в Галифаксе в Канаде. Тот принадлежал Канадской англиканской церкви, и там не было Старика Уиллиса. Лучший орган в Галифаксе стоял в Первой баптистской церкви, на Оксфорд-стрит. Судя по всему, выбирать Уильяму не пришлось — музыка для него была главным, он не имел ничего против того, чтобы играть у баптистов, но там место было занято, а органист в соборе Святого Павла как раз уходил на пенсию.

«След», который, по утверждению Алисы, Уильям оставил в Галифаксе, представлял собой еще один роман с хористкой, а то и с двумя; ходили слухи, что была у него и еще какая-то дама постарше. Прошло немного времени, и у англикан поубавилось же-

лания видеть Уильяма у себя; Алиса говорила, что потенциальная карьера Уильяма у баптистов тоже не могла бы быть продолжительной.

Родители Уильяма говорили ей, будто не посылали сыну денег, а из его местонахождения тайны не делали, так она рассказывала. Первое, скорее всего, правда — у них было не так много денег. Но Алиса была не в силах поверить, что они не пытались спрятать его от нее. А когда Уильяму пришлось бежать из Галифакса — незадолго до того, как туда приехала Алиса, — ему точно нужны были деньги. Он сделал себе новую татуировку — Алиса узнала это, когда принялась искать его в Галифаксе, от Чарли Сноу, хозяина салона (электрические татуировочные машины там работали от батарей), куда заходил Уильям. Там же она узнала, что некоторое время спустя Уильям нашел работу в Торонто, но быстро ее потерял.

Алиса никогда не винила Старый собор и Епископальную церковь в том, что они, как ей думалось, помогли Уильяму бежать в Новую Шотландию: к ее удивлению, деньги на ее переезд через океан в поисках органиста собрали именно прихожане собора, а вовсе не ее родная община в Лите.

Англиканы в Галифаксе тоже оказали ей радушный прием и помощь. Более того, они дали Алисе жилье в приходском приюте при соборе, что на углу Арджайл-стрит и Принс-стрит: ей пришла пора рожать.

Рожала она Джека Бернса в муках. «Кесарево», — говорила мама Джеку, когда они приплыли в Европу. Четырехлетний Джек думал, что это название отделения в больнице в Галифаксе, где проходят тяжелые роды. Позднее — возможно, во время их поездки по Европе, возможно, по возвращении в Канаду — он узнал, что такое кесарево сечение. Тогда же ему объяснили, почему он не может мыться с мамой в душе и видеть ее без одежды. Алиса так ему и сказала:

— Не хочу, чтобы ты видел шрам от кесарева.

Итак, Джек Бернс родился в Галифаксе, окруженный заботами богомольцев из собора Святого Павла — не эдинбургского, а другого. Алиса с теплотой вспоминала их сочувствие к сбившейся с пути истинного хористке; а вот к ее развратному соблазнителю, который к тому же успел побывать членом их общины, они испытывали глубочайшее презрение. Видать, Шотландская епископальная и Канадская англиканская церкви дышат одним и тем же

воздухом. Судя по всему, именно англикане приложили усилия к тому, чтобы Уильям не задержался надолго в Торонто.

— Церковь преследовала его, как ангел с карающим мечом, — любила говорить Алиса.

После рождения Джека Алиса устроилась работать к Чарли Сноу. Чарли был родом из Англии, служил в Первую мировую матросом на британском торговом флоте. Рассказывали, будто он сбежал с корабля в Монреале и научился татуировать у Фредди Болдуина, тоже англичанина, ветерана Англо-бурской войны.

И тот и другой были приятелями Большого Оми. Оми наезжал в Галифакс с цирком; чтобы увидеть его полностью покрытое татуировками лицо, люди платили деньги. Когда же Оми уходил с арены, то надевал маску.

— За бесплатно его так никто и не увидел, — говорила мама Джеку, и ему снились новые кошмары: жуткие татуировки на лице Большого Оми.

У Чарли Сноу Алиса научилась мыть татуировочные машины этиловым спиртом; шланги она чистила ершиками для курительных трубок, вымоченными в водке, и каждую ночь кипятила иголки.

— В кастрюле, в каких варят омаров, — говорила Алиса.

Чарли Сноу был также известен тем, что сам делал из льняной ткани бинты.

— Про гепатит тогда никто не слышал, — объясняла Алиса.

От нее Джек узнал, что самая красивая татуировка на теле Чарли Сноу — работа Фредди Болдуина. На грудь, там, где сердце, Фредди поместил Сидящего Быка, на правую сторону — генерала Кастера¹ анфас, а прямо посередине, над грудиной, пустил плавать корабль под всеми парусами. Одна из мачт заканчивалась на ключице, и там развевался вымпел «Возвращаюсь домой».

Домой Чарли вернулся только в 1969 году, восьмидесятилетним, и вскоре умер от язвы. Алиса многому научилась у Чарли, но вот как татуировать японского карпа, ей показал Джерри Своллоу, известный в тату-мире как Матросик Джерри. Он поступил к Чарли подмастерьем в 1962 году. Алиса любила говорить, что

---

¹ *Сидящий Бык* (1831–1890) — вождь индейцев-сиу, в битве при реке Литл-Бигхорн победил генерала Кастера; Джордж Армстронг Кастер (1839–1876) — американский военный, прославился в Гражданскую войну и во время войн с индейцами. Погиб в битве при реке Литл-Бигхорн.

они с Джерри одновременно были у Чарли подмастерьями, но на самом-то деле она научилась искусству куда раньше, от отца, в Лите.

Джекова мама умела наносить татуировки задолго до того, как ее прибило к берегам Новой Шотландии.

Джек Бернс совсем не помнил город, в котором родился; до четырех лет для него существовал лишь один город — Торонто. Он был совсем еще маленький, когда его мама прослышала, что беглый папа объявился в столице Онтарио, и они полетели вслед за ним. Но хитрец опять успел сбежать из города до их приезда, — впрочем, они не удивились. Когда же Джек чуть подрос и начал понимать, что папы нет, до Алисы дошли слухи, что Уильям еще раз пересек Атлантику и живет в Европе.

Всю свою юность Джек гадал, не оттого ли он оказался в школе Святой Хильды, что прежде там побывал его папаша. Алиса и узнала про нее только потому, что искала Уильяма, — оказалось, школа, ничего не ведая о его репутации, наняла его хормейстером для хора старшекласниц (с девятого по тринадцатый класс). Мало того, Уильям давал школьницам еще и частные уроки фортепиано; благодаря значительным успехам на этих двух музыкальных поприщах он получил еще и место органиста в церкви при школе. Можно только воображать, что думал Джек о похождениях своего папы в школе для девочек!

Однако, как ни велики были успехи музыкальные, успехи другого рода не дали карьере Уильяма продлиться сколько-нибудь долго. Первой в его сети попала девочка из одиннадцатого класса — она как раз брала у него уроки фортепиано, ну а уже девочка из последнего класса забеременела. Говорили, Уильям сам отвез ее в Буффало сделать нелегальный аборт. Когда в Торонто прибыла Алиса с незаконнорожденным сыном под мышкой, Уильяма уже и след простыл, зато ее и ребенка радушно приняли очередные богомольцы.

Школа Святой Хильды была англиканской, и ее церковь, где венчались большинство выпускниц, играла в Торонто роль влиятельного центра Канадской англиканской церкви. В шестидесятые годы школа, будучи платной, стала предоставлять небольшое количество стипендий ученикам; оплачивала их Ассоциация старинных подруг, могущественная организация, объединявшая бывших выпускниц. В первую очередь стипендии получали дети свя-

ценников; оставшиеся невостребованными стипендии присуждались более или менее как бог на душу положит. А про Алису и ее «положение» (так называли Джека) прослышали не только англиканы, администрация и педагоги школы, но и старинные подруги. Поэтому Джек, узнав от мамы, что та пытается устроить его в школу, решил, что тут не обошлось без «подружкой» помощи.

Впрочем, Джеку с мамой и без того уже крупно повезло — они нашли себе жилье в доме миссис Уикстид, не просто старинной подруги, а источника энергии для всей организации. Что еще любопытнее, после смерти мужа она встала на защиту матерей-одиночек. Она не просто боролась за их права и помогала им — она брала их к себе жить.

На момент появления Алисы про то, что миссис Уикстид когда-то была замужем, не помнили даже близкие ее знакомые; она была вдовой «всегда». Жила она в солидном, но не помпезном доме на углу Спадайны и Лаутер-авеню, фактически одна; там-то и поселились Джек с мамой. Им выделили две комнаты, небольшие, но чистые, уютные, с высокими потолками; туалет и ванную им приходилось делить с другими постояльцами, среди которых, в частности, была домработница, хромоножка Лотти, уроженка острова Принца Эдуарда. Пока Алиса искала работу — то есть место в тату-салоне, больше она ничего делать не умела, — Лотти служила Джеку няней.

В шестидесятые годы Торонто было далеко до звания татуировальной мекки Северной Америки. У отца в «Не сдавайся» и у Чарли Сноу с Матросиком Джерри в Галифаксе Алиса научилась такому количеству всего, что специалистов ее уровня в Торонто еще не видели — там не водились покамест достаточно взыскательные клиенты. Она была куда искуснее и чем Тихоокеанец Билл, который не согласился взять ее на работу (Джек так и не узнал почему), и чем его конкурент по прозвищу Китаец. На самом деле он был никакой не китаец, а человек вполне европейской внешности по имени Пол Харпер; он сразу понял, что перед ним стоит лучший тату-мастер Торонто 1965 года, и немедленно нанял Алису.

Заведение Китайца располагалось на пересечении Дандас-стрит и Джарвис-стрит, на северо-западном углу. Там стоял старинный отель «Уорик», а рядом с ним — дом в викторианском стиле; у дома был подвал, туда прямо с тротуара вели ступеньки. В подвале и располагался тату-салон; окна его всегда были занавешены.

В детстве Джек, когда молился, старался молиться и о Поле Харпере — именно он помог Алисе начать свою карьеру в Торонто. В итоге город навсегда овладел сердцем Алисы — поймать же в свои сети Джека ему было не суждено.

Однако не перед любым человеком приятно быть в долгу; иные требуют эти долги возвращать. Китаец никогда не позволял себе намекнуть Алисе, что она чем-то ему обязана; совсем другое дело — миссис Уикстид. Спору нет, вдова относилась к Джеку и маме хорошо и желала им добра, но ее разведенная дочь осуществляла подлинное надругательство над смыслом слов человеческого языка, когда утверждала, будто те живут у нее «за бесплатно на всем готовом».

После первого же разговора с мамой Джека миссис Уикстид решила, что акцент Алисы негативно скажется на ее социальном статусе — куда негативнее, чем экзотическая (чтобы не сказать мерзкая) профессия художницы-татуировщицы. Насколько понимал Джек, миссис Уикстид была твердо уверена, что Алисино раскатистое шотландское «р» не просто оскорбительно для английского языка (во всяком случае, для той его версии, на которой говорила сама миссис Уикстид), но является сущим проклятием — с такой речью девушка неизбежно окажется на дне общества, таком глубоком дне, какое не снилось даже нищим бродягам в портовом Лите, а уж оттуда никому нет спасения.

У старинной подруги имелись не только карманы, полные денег, но и большая любовь к школе Святой Хильды, и поэтому частым гостем в ее доме вскоре стала мисс Каролина Вурц, учительница английского из означенной школы. Задачей гостыи было победить Алисин возмутительный акцент. Миссис Уикстид знала: мисс Вурц отличается не только великолепным произношением и манерой говорить, но и отсутствием излишней мечтательности, в силу чего никак не может найти в раскатистом шотландском «р» ничего привлекательного. Возможно, однако, что мисс Вурц просто относилась к Алисе презрительно и полагала, что акцент юной татуировщицы — лишь самый незначительный из сонма ее грехов.

Каролина Вурц, великолепный педагог родом из Германии, прежде чем попасть в Торонто, жила в Эдмонтоне. Она кого угодно умела излечить от «иностранный» акцента — она само слово «иностранный» произносила так, будто намеревалась его уничтожить. Но если на Алису она смотрела откровенно косо, то в Дже-

ке просто души не чаяла, глаз от него оторвать не могла, — казалось, в чертах лица мальчишки она провидит его будущее.

Алиса быстро избавилась от своей привязанности к Шотландии; она склонилась перед властью мисс Вурц с такой готовностью, словно ни в грош не ставила ни родину, ни ее язык. Освоены были и произношение, и манера говорить. Видимо, смерть отца — тот умер еще до рождения Джека, когда Алиса была в Галифаксе, — и побег Уильяма надломили ее, и сил противостоять мисс Вурц у нее не осталось.

Невинность она утратила на одном берегу Атлантики, а шотландский акцент — на другом.

— Впрочем, если подумать, не такая уж это большая потеря, — призналась она однажды Джеку.

Тот решил, что мама имеет в виду акцент. Алиса не держала зла ни на миссис Уикстид, ни на мисс Вурц. Джекова мама, хотя и не имела образования, говорила изящно, и миссис Уикстид была к ней добра — а к Джеку и подавно.

Сам же Джек обожал и Лотти, и ее хромоту. Она всегда протягивала ему руку, даже брала его за руку, прежде чем тот успевал протянуть свою. А когда Лотти его обнимала, Джек чувствовал, что тут не только ее желание показать малышу, что его любят, — нет, ей и самой этого хотелось.

— Давай ты вдохнешь и удержишь дыхание, и я вслед за тобой, — говорила она ему; вдохнув, они оба чувствовали, как бьются их сердца. — Ну видишь, значит, ты живой! — говорила Лотти.

— Я думаю, ты тоже живая, Лотти, — отвечал задыхающийся мальчик.

Позднее Джек узнал, что Лотти покинула остров Принца Эдуарда в том же самом положении, что Алиса — Эдинбург; разница была лишь та, что в Торонто Лотти прибыла одна: ребенок родился мертвым. Миссис Уикстид и прочие старинные подружки приняли ее, как потом Алису, с распростертыми объятиями. Это была прочная организация, старинные подружки, настоящая сеть; учитывая, что Джек и его мама в Новом Свете были совсем никому не нужны, забота старинных подруг была им очень кстати. Одним словом, им повезло.

Глава 2

САМЫЙ МАЛЕНЬКИЙ СОЛДАТ

Билла Стронаха, отца Алисы, в тату-мире звали Билл из Абердина. Стронах — абердинширская фамилия, но родился Билл в Лите, и толком с Абердином его ничто не связывало. Однажды, рассказывала его единственная дочь, Билл Стронах попал в Абердин, надрался как последний сапожник, и застрял там на целые выходные; видимо, все это сопровождалось длинной чередой пьяных приключений, отчего к нему и приклеилось прозвище Билл из Абердина. До рождения Алисы Билл разъезжал по Шотландии с цирками и по ночам татуировал в палатках циркачей при свете масляной лампы. Так он и выучился смешивать свои уникальные черные чернила — на основе копоти с масляной лампы и патоки.

Осенью 1969 года Алиса и Джек собрались в Европу. Перед этим Алиса разослала по городам, куда собиралась заехать, письма; адресатами были известные ей тату-мастера, а говорилось в них, что Алиса выучилась искусству в салоне «Не сдавайся» в Лите. Получатели, впрочем, дальше слов «я дочь Билла из Абердина» не читали — в Европе каждый уважающий себя тату-художник знал, кто такой Билл.

Первым делом Алиса и Джек направились в Копенгаген. Там, в доме 17 по Ньюхавн, находился салон Оле Хансена; хозяин получил письмо и ожидал их. Как и к Биллу из Абердина, к Татуоле — такое у него было прозвище — в основном ходили матросы. Тату-художником он себя не называл, предпочитая именоваться просто татуировщиком. Как и Билл, Татуоле изображал прежде всего сердца, русалок, змеев, корабли, флаги, цветы, бабочек и обнаженных женщин. Алиса застала его еще молодым — ему едва перевалило за сорок.

Татуоле тут же придумал ей тату-прозвище. Под стук бьющихся о набережную лодок и плеск волн — в конце ноября с Балтики дует сильный ветер — Алиса и Джек вошли в его салон на Нью-

хавн. Оле был занят — татуировал на широкой мужской спине обнаженную женщину. Подняв глаза от клиента, он сказал:

— Ага, а вот и дочурка Алиса.

Собственный салон у Алисы появится еще не скоро — когда родившемуся в тот день ее прозвищу исполнится много лет.

Татуоле сразу же дал ей работу. Первую неделю датчанин доверял Алисе только закрашивать татуировки, а контуры наносил сам; на второй неделе он понял, с кем имеет дело, и разрешил ей делать всю работу от начала до конца.

Дочурка Алиса пришлась в популярном у матросов салоне весьма кстати: она сформировалась как художник, экспериментируя на собственном отце, специалисте по труженикам моря. Первые татуировки она делала руками, а потом отец научил ее пользоваться тату-машиной.

Даже шаблоны на ацетатной ткани, какие были в ходу у Татуоле, были ей знакомы. В ее репертуаре числились сердца — разбитые и истекающие кровью в терновом венке или венке из роз; страшные черепа с перекрещенными костями, огнедышащие драконы, Христы на кресте, от одного вида которых бросало в дрожь, изысканного вида Девы Марии с зеленой слезой на щеке и еще какая-то неведомая богиня со змеей, которой она отрубает мечом голову. Она изображала корабли в море, разнообразные якоря, русалку верхом на дельфине, а также и собственного изготовления обнаженных дев — тут шаблоны Оле ей не подходили.

Обнаженные девы Оле не нравились Алисе вот чем — лобковые волосы у них походили на ресницы, а то, что располагалось под ними, выглядело этакой вертикальной улыбкой. Обязательно также полагались в больших количествах волосы под мышками. Впрочем, когда Оле спрашивал Алису, а что не так с его шаблонами, она отвечала только, что предпочитает обнаженных дев «со спины».

У Оле был и другой подмастерье, Ларс Мадсен по прозвищу Бабник Ларс или же Бабник Мадсен, неуверенный в себе молодой человек. По поводу обнаженных дев он сказал Алисе, что предпочитает их в любом виде, лишь бы они были не прочь.

— Сзади хорошо, но и спереди тоже!

Алиса на это отвечала, если отвечала, так:

— Не надо при Джеке.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая ПО СЕВЕРНОМУ МОРЮ И БАЛТИКЕ

Глава 1. Под крылом богомольцев и старинных подруг	9
Глава 2. Самый маленький солдат	24
Глава 3. Шведский бухгалтер	45
Глава 4. Неудача в Норвегии	60
Глава 5. Фиаско в Финляндии	78
Глава 6. Священный шум Господень	95
Глава 7. Еще один пункт, не значащийся в маршруте	110

Часть вторая ОКЕАН ДЕВИЦ

Глава 8. С девочками хорошо	141
Глава 9. Мал еще	161
Глава 10. Единственный зритель	175
Глава 11. Папа, который сидит внутри	197
Глава 12. Еще одна иерихонская роза, но необычная	210
Глава 13. Невеста по почте, тоже необычная	231
Глава 14. Миссис Машаду	253
Глава 15. Друзья на всю жизнь	270

Часть третья ВЕЗУНЧИК

Глава 16. Ниже нуля	295
Глава 17. Мишель Махер и другие	320
Глава 18. Входит Клаудия, уходит миссис Макквот	345
Глава 19. Клаудия обещает стать призраком	367

Глава 20. Двое канадцев в Городе ангелов	385
Глава 21. Две горящие свечи	421
Глава 22. Золотые кадры	436

Часть четвертая
ВРЕМЯ СПАТЬ НА ИГОЛКАХ

Глава 23. Радужный Билли	465
Глава 24. Фокус с пуговицей	493
Глава 25. Дочурка Алиса отправляется домой	521
Глава 26. Малонер	546
Глава 27. Дочь коменданта; ее младший брат	569
Глава 28. Не та татуировка	588
Глава 29. Правда	609
Глава 30. Сделка	635

Часть пятая
ДОКТОР ГАРСИЯ

Глава 31. Терапия	667
Глава 32. Еще одним глазком	683
Глава 33. Дурные предзнаменования	702
Глава 34. Галифакс	715
Глава 35. Легче легкого	735
Глава 36. Призрак Клаудии	751
Глава 37. Эдинбург	788
Глава 38. Цюрих	813
Глава 39. Музыкант	842
Те, кому я признателен	891